

и сосредоточиваются на различных сферах и уровнях бытия. Если реализм все больше сосредоточивается на критическом анализе действительности, стремящемся к объективности и научности, то романтизм берет на себя функции выражения «идеальной правды», высокой духовности и нравственности, идеологической активности. Особо отметим, что проблему народа в ее философско-исторической масштабности и значении поднимали во Франции поздние романтики (Жорж Санд, Гюго, Мишле и др.), причем они видели в народе носителя высших духовно-нравственных начал и ценностей, гаранта счастливого будущего человечества.

Всем этим и объясняется, почему Гюго и особенно Жорж Санд были русским реалистам ближе, понятнее, необходимее, чем французским, почему они считали их «своими» и искренне пред ними преклонялись. В глазах Толстого, Достоевского и других русских писателей Жорж Санд и Гюго представляли тот необходимейший компонент литературно-художественного творчества, ту его функцию, без которых для них не существовала полноценная литература.

Иначе обстояло дело с английской реалистической литературой. Русские писатели-реалисты критиковали отдельные ее стороны и особенности (например, Толстой находил, что английские романисты слишком заботятся о занимательности сюжета в ущерб жизненной правде), но между ними не было глубоких концептуальных расхождений методологического характера. Тот же Белинский, «проглядевший» Бальзака, совсем по-иному, с возрастающей восторженностью относился к Диккенсу. «Это чудо... Это что-то до того превосходное, что боюсь и говорить — у меня голова не на месте от этого романа» — так откликнулся он в письме к Анненкову на роман «Домби и сын» [23, с. 442]. И это восприятие Диккенса, это восторженное отношение к нему было не исключением, а скорее нормой для русской литературы и критики прошлого века. Анализируя это явление в специальном исследовании, И. М. Катарский пришел к выводу, что романы Диккенса принимались русскими писателями и критиками как нечто им близкое и родное [24, с. 11]. С большим интересом и благосклонностью встречали в России и других выдающихся английских писателей-реалистов прошлого века — Теккерея, Дж. Элиот, Тrollope.

Весьма симптоматично, что в то же время очень слабую восприимчивость к английскому реализму проявляли французские писатели и критики. Журнал «Реализм», издававшийся Л. Дюранти, в 1857 г. журил соотечественников: «Не стыдно ли нам, что двадцать пять томов Ч. Диккенса с давних пор пользуются популярностью во всей России <...>, тогда как у нас имя его едва известно профессионалам» [24, с. 10]. Братья Гонкуры в своем «Дневнике» за 1863 г. зафиксировали разговор с Тургеневым, который утверждал, что «в России популярен в настоящее время лишь один писатель — Диккенс, а наша (т. е. французская. — Д. Н.) литература после 1830 г. теряет свое влияние, и теперь там увлекаются только английскими и американскими романами» [25, с. 95].

Во всем этом дает себя знать большая типологическая близость русской и английской реалистических литератур, в немалой мере обусловленная близостью их доминант. И та и другая сторонились «научного метода», бесстрастного аналитизма, получившего развитие во французском реализме; и той и другой был свойствен, говоря словами Толстого, нравственный подход к предмету, склонность соотносить изображаемое с морально-этическими проблемами и ценностями. Отсюда уже большая близость концепций человека, развиваемых русским и английским классическим реализмом, что не исключает и наличия глубоких расхождений. И наконец, соотношение с романтизмом в английской реалистической литературе ближе к «русскому варианту», чем к «французскому»: в ней преобладает не размежевание функций, а синтезирование романтических элементов.

Как видим, доминанты национальных культур во многом определяют особенности литературного процесса и взаимодействия литератур.